

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

ИСТОРИЯ ГАЛЛЬСКОЙ
ВОЙНЫ

Гай Юлий Цезарь

История Галльской войны

Серия «Иллюстрированная военная история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23101754

Г. Ю. Цезарь. История Галльской войны: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-17-101778-1

Аннотация

Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.), несомненно, был величайшим полководцем и государственным деятелем. Помимо непрерывного активного участия в политической и военной жизни, он написал несколько трудов, описывавших его автобиографический опыт. Одним из таких стало сочинение о Галльской войне. Это не только подробнейший источник по истории политических отношений античной эпохи, но и произведение, которое можно отнести к документальной хронике, мемуарам и военному трактату. Повествование книги обрамлено описаниями многих знаменательных событий того времени и этнографическими сведениями.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Книга первая

7

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Гай Юлий Цезарь

История Галльской войны

© А. С. Клеванов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Книга первая

1. Галлия вся делится на три части: в одной живут Белги, в другой Аквитаны, а в третьей Кельты, как они по-своему себя называют, а по-нашему Галлы. Эти три народа существенно отличаются друг от друга наречием, нравами и законами. Река Гаронна служит границей между Галлами и Аквитанами, а от Белгов Галлы отделены реками Марной и Сеной. Из этих трех народов храбростью отличаются преимущественно Белги; причина в том, что по отдаленности их от Римской Провинции они чужды влиянию ее образованности; купцы редко проникают к ним, и потому изнеженность нравов не могла еще найти к ним доступа. Содействует этому и соседство Германцев, живущих по ту сторону Рейна, с которыми они ведут постоянные войны. По той же причине и Гельветы из Галльских племен отличаются храбростью: почти ежедневно имеют они стычки с Германцами, или отражая их от собственных пределов, или внося войну в их пределы. Область собственно так называемых Галлов начинается от реки Роны, окаймлена рекой Гаронной, Океаном и областью Белгов; со стороны Секванов и Гельветов она достигает реки Рейна, имея наибольшее протяжение по направлению к северу. Область Белгов, начинаясь с самого отдаленного конца области Галлов, касается нижней части течения реки Рейна, имея протяжение к северу и востоку. Аквитания от реки Га-

ронны простирается к Пиренейским горам и к части Океана, омывающей берега Испании; расположена на север и запад.

2. У Гельветов славился знатностью рода и богатством некто Оргеторикс. В консульство М. Мессалы и М. Пизона он, желая сделаться единовластителем над своими соотечественниками, составил заговор с дворянством и убедил их со всем войском выйти из пределов отечества, представляя им завоевание всей Галлии весьма легким, по их храбрости, предприятием. Убеждения его тем более имели силы, что природа как бы сама заключила Гельветов в тесных рубежах: с одной стороны область Гельветов отделяется от Германцев весьма широкой и глубокой рекой Рейном, а от Секванов – крутыми горами Юры. Далее озеро Леман и река Рона служат границей Гельвекции от нашей Провинции. Таким образом, Гельветы не могли свободно делать нападения на соседей, как бы хотели, что было им при страстной охоте к войне крайне прискорбно. Область свою они считали тесной для многочисленного жившего в ней населения и несоответственной приобретенной ими славе о храбрости; в длину она простиралась на 240 миль, а в ширину – на 180.

3. Понуждаемые такими обстоятельствами и внимая убеждениям Оргеторикса, Гельветы определили устроить все что следует к походу, скупить как можно более телег и вьючных животных, произвести посевы как можно в боль-

шем размере, чтобы заготовить потребное количество хлеба на дорогу, скрепить узы дружбы и приязни с соседними народами. Они постановили законом в течение двух лет изготовить все что нужно, а на третий год выступить в поход. Приведение в исполнение всего этого поручено Оргеториксу. Он, отправившись послом в соседние государства, на пути убеждает Кастика, сына Катаманталедова, Секвана, присвоить царскую власть над соотечественниками, которой пользовался его отец в продолжение многих лет, быв от Сената и народа Римского признан союзником. Также убедил он Эдуа Думнорикса, Дивитиакова брата, который пользовался большой любовью сограждан и имел на них великое влияние, домогаться верховной власти; ему он отдал свою дочь в замужество. Оргеторикс представил им этот план весьма удобоисполнимым, тем более что он сам готовился присвоить верховную власть над своими соотечественниками. Не было подвержено сомнению, что Гельветы – самый могущественный народ изо всех народов Галлии; их войском и средствами Оргеторикс обещал поддержать попытки своих друзей. Вняв его убеждениям, они скрепили свой союз общими клятвами и льстили себя надеждой, что, присвоив себе царскую власть над тремя сильнейшими и могущественнейшими народами Галлии, они легко будут господствовать надо всей Галлией.

4. Гельветам донесено было об этих замыслах Оргеторик-

са; они по заведенному обычаю заключили его в оковы и приказали ему оправдаться; в случае если бы он не успел доказать свою невиновность, его по закону надлежало сжечь. В день, назначенный для суда, Оргеторикс велел собраться к месту судилища всем своим сродникам, а было их не менее десяти тысяч; сюда же присоединились его клиенты и должники, которых также было немалое количество. С их помощью Оргеториксу удалось избавиться от оков и от необходимости оправдываться. Между тем как граждане в негодовании на такой поступок хотели оружием защищать свои права и с этой целью правительство собирало вооруженных поселян, Оргеторикс скоропостижно умер. У Гельветов прошел слух, что он сам себе причинил смерть.

5. Несмотря на смерть Оргеторикса, Гельветы не оставляют своего замысла и с жаром стараются покинуть свою страну. Когда они сочли себя достаточно подготовленными и снаряженными к походу, то предали огню все свои города в числе двенадцати, до четырехсот сел и вообще все частные строения; равным образом они истребили весь хлеб, какой не могли с собой взять; все это они делали с той целью, чтобы, отняв всякую надежду на возвращение, с большей готовностью выносить труды и опасности; каждому приказано было взять с собой съестных припасов на три месяца. Уступая убеждениям Гельветов, Раураки, Тулинги и Латобриги, их соседи, присоединились к ним и, также предав огню свои

жилища, отправились в поход вместе с ними. Бойи, которые жили по ту сторону Рейна, перешли в область Норическую и заняли Норею; они заключили союз с Гельветами и присоединились к ним.

6. Гельветам для выхода из их страны предстояло избрать которую-нибудь из двух дорог. Одна шла через землю Секванов, между горой Юрой и рекой Роной; она представляла много затруднений и до того узка, что с трудом могла проехать по ней одна телега; над ней возвышалась крутая и утесистая гора, так что здесь немногочисленный отряд мог остановить сильное войско. Другая дорога, много легче и удобнее, пролегла через нашу Провинцию, так как Рона, отделяющая землю Гельветов от Аллоброгов, недавно покоренных нами, во многих местах может быть переходима вброд. Самый пограничный и ближайший к земле Гельветов город Аллоброгов есть Женева; тут находится мост на Роне, ведущий к Гельветам. Они не сомневались или привлечь на свою сторону Аллоброгов, еще так недавно покоренных Римлянами и потому не совсем к ним расположенных, или силой принудить их пропустить их через свою область. Приготовив все к походу, Гельветы назначили день, в который все должны были собраться к берегам Роны; то было пятое число перед апрельскими Календами, в консульство Л. Пизона и А. Габиния.

7. Цезарь, получив известие, что Гельветы намереваются проложить себе путь через нашу Провинцию, поспешил оставить Рим и как можно поспешнее прибыл в Дальнюю Галлию и в Женеву. В Провинции приказал он произвести самый усиленный набор (во всей Дальней Галлии находилась только один легион). Мост на Роне в Женеве Цезарь велел сломать. Гельветы, узнав о его прибытии, отправили к нему послов, именитых людей; во главе посольства стояли Намей и Верудоктий. Они сказали Цезарю: «Намереваются они пройти Римскую Провинцию, не причиняя никакого вреда, а по необходимости, не имея иного пути из своей страны, но не иначе как с его дозволения». Цезарь, припоминая, как Гельветы убили консула Л. Кассия, его войска поразили и обезоружили, не счел благоразумным дозволить им просимое. Зная враждебное расположение Гельветов, трудно было предполагать, чтобы они в случае движения через Римскую Провинцию удержались от грабежа и неприязненных действий. Впрочем, желая выиграть время и дать собраться войску, Цезарь отвечал Гельветам, «что ему нужно время на размышление и что ответ его они получают в апрельские Иды».

Легионеры (рисунок по барельефам на колонне Траяна)

8. Между тем Цезарь с помощью легиона, с ним находившегося, и воинов, набранных в Провинции, провел вал протяжением на десять миль от озера Лемана, через которое протекает Рона, до горы Юры, служащей границей Гельветов от Секванов; в высоту этот вал имел шестнадцать футов, и при нем еще был ров. По окончании работ Цезарь расположил войска по укреплениям, готовый в случае покушения Гельветов насильственно проложить себе дорогу отразить их. Когда в назначенный день послы Гельветов прибыли за ответом, Цезарь сказал им следующее: «Не в обычае народа Римского через свои области пропускать вооруженных, и потому он не согласен дозволить им путь через Провинцию; если же они вздумают действовать силой, то он будет отражать ее». Гельветы пытались было силой, одни на судах и плотках, собранных ими в большом количестве, другие вброд, где позволяла малая глубина Роны, проложить себе дорогу, то днем, то ночью возобновляя свои попытки; но все они были безуспешны; воины Римские из укреплений осыпали их стрелами и вынудили наконец отказаться от этого предприятия.

9. Оставалась еще дорога через землю Секванов, но по ней без согласия Секванов невозможно было пройти. Так как просьбы Гельветов о дозволении им пройти оставались бес-

полезными, то они отправили послов к Эдую Думнориксу с просьбой, чтобы при его посредничестве испросить у Секванов требуемое дозволение. Думнорикс пользовался большим расположением и влиянием у Секванов; притом он был в дружественных связях с Гельветами как потому, что за ним была дочь Оргеторикса, так и потому, что, пылая честолюбием и добиваясь верховной власти, он старался задобрить в свою пользу как можно более союзников. Вследствие этого он охотно взялся исполнить желание Гельветов и успел уговорить Секванов пропустить Гельветов по своей земле. Оба народа скрепили свой союз клятвами и взятием заложников с обеих сторон. Секваны ручались, что пропустят Гельветов по своей земле, а Гельветы – что они во время пути не сделают никакого вреда.

10. Цезарю донесено, что Гельветы намереваются по землям Секванов и Эдуев пройти в область Сантонов, а она была смежной нашему городу в Провинции – Тулузе. Цезарь понимал в случае удачи этого предприятия всю опасность соседства воинственного народа для плодородных и открытых природой наших земель в Провинции. Вследствие этого соображения Цезарь поручает сделанное им укрепление легату Т. Лабиену, сам поспешно едет в Италию, набирает там два легиона, берет с собой три, которые были расположены на зимних квартирах около Аквилеи, и с пятью легионами поспешает в Дальнюю Галлию ближайшим путем через Альпы.

Здесь Центроны, Граиоцелы и Катуриги, заняв высоты, хотели было остановить движение нашего войска. После многих с ними схваток, в которых Римляне имели верх, Цезарь из Оцела – города, стоящего на краю Ближней Провинции, – на седьмой день прибыл в область Воконтов в Дальней Провинции. Оттуда Цезарь прошел в область Аллоброгов, а от них в землю Сегузианов. Они первые живут по ту сторону Роны вне Провинции.

11. Между тем войско Гельветов уже прошло теснины и землю Секванов, проникло в землю Эдуев и опустошало ее. Эдуи, не будучи в состоянии защитить себя и имущество от них, отправили послов к Цезарю с просьбой о помощи, выставляя ему свои заслуги на вид, что они всегда вели себя в отношении к народу Римскому так дружелюбно, что не следовало бы Римскому войску смотреть равнодушно на то, как поля их опустошаются, дети уводятся в рабство, а города подвергаются опасности. В то же время Амбарры – племя, связанное узами родства с Эдуями, – дают знать Цезарю, что поля их опустошены и что самые города свои они с трудом могут отстоять от нападения Гельветов. Аллоброги, имевшие дома и поселения по ту сторону Роны, спаслись бегством к Цезарю, жалуясь, что у них осталась одна голая земля. Вследствие всего этого Цезарь решил не дожидаться, чтобы Гельветы, разорив до конца наших союзников, прибыли в землю Сантонов.

12. По границе Эдуев и Секванов течет река Арар, впадающая в Рону. Течение ее до того медленно, что трудно узнать, смотря на нее, в какую сторону она имеет движение. Через эту реку переправлялись Гельветы на плотах и паромах. Лазутчики дали знать Цезарю, что три части войска Гельветов переправились через реку Арар, а четвертая осталась еще на этой стороне. Тогда Цезарь с третьей стражи ночи выступил из лагеря с тремя легионами и двинулся к той части войска Гельветов, которая еще не успела перейти реку. Те были застигнуты врасплох и не ожидали нападения, а потому большая часть их пала. Остальные бежали и скрылись в соседних лесах. Разбитые Гельветы принадлежали к Тигуринскому колену; вся же Гельвеция делится на четыре колена. Тигуринцы, оставив однажды свои пределы, на памяти отцов наших, убили консула Л. Кассия и обезоружили Римское войско. Таким образом, случай ли, воля ли богов бессмертных определили, что та же часть Гельветов, которая нанесла народу Римскому великий вред, первая понесла за то возмездие. В этом случае Цезарь был мстителем и за отечество, и за себя: Тигуринцы в том же сражении, где убили консула Кассия, убили и легата Л. Пизона, деда Цезарева тестя Л. Пизона.

13. После этого сражения Цезарь с целью настичь остальные войска Гельветов приказал навести мост на Араре и пе-

ревел свое войско. Гельветы были поражены внезапным прибытием Цезаря, никак не ожидая, чтобы он в один день совершил ту переправу, на которую они потратили более двадцати дней, и отправили посольство к Цезарю. Во главе посольства был Дивикон, тот самый, который предводительствовал у Гельветов во время битвы их с консулом Л. Кассием. Дивикон говорил Цезарю следующее: «Если народ Римский заключит мир с Гельветами, они изъявляют готовность избрать себе жилища там, где им укажет Цезарь. Если же их хотят преследовать войной, то пусть вспомнят и о несчастье, постигшем от них оружие народа Римского, и о прежней их доблести. Если Цезарь врасплох напал на часть их войска, отделенную от прочего рекой и потому не получившую помощи, и разбил ее, то пусть он этим не гордится и не приписывает своей доблести или недостатку их мужества. Они от предков получили завет – сражаться открытой силой и рассчитывать более на мужество, чем на военные хитрости. А потому берегся бы Цезарь, как бы то место, на котором они расположены, не ознаменовалось в памяти веков новым бедствием народа Римского и гибелью его войска».

14. Цезарь ему отвечал так: «Припоминая событие, на которое намекают Гельветы, он видит в нем ручательство успеха. То событие тем прискорбнее для него, что вины народа Римского в нем нет никакой, разве в том, что он, не сознавая ничего за собой, не принял мер осторожности, не сделав ни-

чего, за что бы можно было опасаться, и не желая показать чувство страха без причины. Но если бы он и желал предать забвению давнишнюю обиду, может ли он забыть их недавние оскорбления, то, как они насильственно хотели проложить себе путь через Римскую Провинцию, то, что они разорили земли Эдуев, Амбарров и Аллоброгов? А если они так кичливо превозносят свои победы и хвалятся безнаказанностью своих злодейств, то все это ведет к одному. Боги бессмертные, намереваясь наказать людей за их преступления, чтобы чувствительнее сделать кару внезапным переходом от благополучия к несчастью, долго медлят возмездием и даже посылают успех нечестивым. Как бы то ни было, если они в доказательство чистосердечности своих намерений дадут заложников и если вознаградят Эдуев и их союзников, а равно и Аллоброгов за нанесенный ими вред, то он согласен заключить с ними мир». Дивикон отвечал: «Гельветы следуют завету предков своих – брать заложников и не давать их; народ Римский на себе испытал это».

15. После таких слов Дивикон удалился. На другой день Гельветы сняли лагерь с прежнего места. Также поступил и Цезарь; он всю свою конницу, числом четыре тысячи человек, собранную в Провинции у Эдуев и их союзников, послал вперед узнать, куда двинется неприятель. Наши всадники, с жаром преследуя задние ряды неприятеля, в неудобном месте схватились с Гельветами и понесли небольшой урон.

Гельветы еще более возгордились этим успехом, отразив пятьюстами всадников многочисленную нашу конницу, и перешли к наступлению, по временам из задних рядов нападая на наших. Цезарь не допускал своих до решительного боя, довольствуясь наблюдением за движениями неприятеля и не давая ему опустошать край. Таким образом, оба войска, Гельветов и наше, двигались одно за другим, так что между задними рядами неприятеля и нашими передовыми было расстояние от пяти до шести миль.

16. Между тем Цезарь почти ежедневно требовал от Эдуев провианта, который они обещали публично выставить. По случаю холодного времени, так как Галлия имеет климат суровый по своему северному положению, не только хлеб на полях еще не созрел, но самые пастбища были еще весьма скудны. Пользоваться хлебом, подвозимым по реке Арар, Цезарь не мог, так как Гельветы, от преследования которых он не хотел отказаться, удалились от берегов Арара. Эдуи все откладывали со дня на день, говоря, что провиант собирают. Цезарь, видя, как много времени прошло в проволочках и что день раздачи хлеба воинам приближается, созвал главных из них; большая часть их находилась в Римском лагере. Тут были Дивитиак и Лискон – этот последний исправлял верховную у Эдуев должность *вергобрета*, избираемого на один год и пользующегося правом жизни и смерти над согражданами. Цезарь стал им сильно пенять, что они

при столь крайних обстоятельствах, в виду неприятеля, когда невозможно ни купить хлеба, ни найти его в полях, оставляют его вопреки обещанию безо всякой помощи, и это с их стороны тем непростительнее, что война начата главным образом по их же просьбе и потому содействие их необходимо.

Римский всадник

17. Тогда Лискон, вынужденный речью Цезаря, решился сказать то, что у него давно было на уме; он говорил: «Есть люди, имеющие по своему влиянию на народ более силы, чем самые начальники. Они-то своими возмутительными и бессовестными речами удерживают народ выставить сообразно обещанию хлеб. Видя, что они сами не в силах присвоить себе господство над Галлией, хотят, чтобы оно скорее принадлежало их же соотечественникам Галлам, чем Римлянам. А не подлежит сомнению, что если только Римляне победят Гельветов, то они отнимут вольность у всех Галлов вообще и в том числе и у Эдуев. Эти-то злонамеренные люди выдают врагам все наши намерения и все, что делается в нашем лагере. Положить этому конец не в его власти. Цезарю самому небезызвестно, что только крайняя необходимость заставила его высказать все это, притом с величайшей для себя опасностью; поэтому он и молчал, покуда мог».

18. Цезарь понял, что Лискон в своей речи намекал на Думнорикса, Дивитиакова брата; но, не желая до времени перед многими раскрывать этого дела, он распустил собрание, а Лискона удержал при себе. Тот, смелее и свободнее один на один, подтвердил то, что говорил при всех. Тайно старался разузнать об этом Цезарь и от других, и все подтвердило истину слов Лискона: «Думнорикс, человек предприимчивый и смелый, снискал любовь народа своей щедростью, и честолюбию его не было границ. В течение многих

лет за ничтожную плату имел он на откупе дорожные и другие сборы у Эдуев, и никто не смел идти против него на торгах. Из этого источника он составил себе большое состояние и вместе извлекал средства к господству подкупом и щедростью. На свой счет содержал он отряд конницы и имел его всегда при себе. Не довольствуясь влиянием у своих соотечественников, он всячески старался распространить его и на соседние народы; с этой целью он выдал свою мать за одного из первых по роду и могуществу лиц у Битуригов; жена его была из племени Гельветов. Сестру свою и других родственниц он выдавал замуж в соседние города. Самые узы родства заставляют его желать успеха Гельветам. Ненавидит же он от всей души Римлян за то, что с их прибытием его влияние начало слабеть и его брат Дивитиак получил прежнюю степень чести и значения. Думнорикс питал себя надеждой в случае поражения Римлян при содействии Гельветов присвоить себе царскую власть. При господстве же Римлян он не только опасается за свои честолюбивые замыслы, но и боится утратить и то влияние, которым теперь пользуется». В этих расспросах Цезарь узнал, «что в недавней стычке нашей конницы с малочисленной неприятельской Думнорикс со своим отрядом первым обратился в бегство (а Думнорикс был главнокомандующим вспомогательного отряда конницы, присланного Эдуями Цезарю) и тем произвел робость и замешательство во всех».

19. Разузнав все это, Цезарь имел в виду многие обстоятельства, не подлежащие сомнению, как то: что Думнорикс доставил Гельветам свободный проход через землю Секванов, что при его посредничестве они дали друг другу заложников, что все это совершено им не только без ведома его, Цезаря, и государства, но и сам народ Эдуев об этом не знал ничего, в чем свидетельствовали его власти. По всему этому Цезарь видел необходимость или самому судить Думнорикса, или предать его суду его соотечественников. При этом его затрудняло одно обстоятельство: брат Думнорикса Дивитиак отличался величайшей преданностью к народу Римскому, большим расположением к Цезарю, умеренностью, справедливостью, постоянством и твердостью в слове. А потому Цезарь боялся оскорбить его казнью брата. Итак, не приступая к решительным действиям, Цезарь призвал к себе Дивитиака. Он стал с ним говорить не через посредство всегдашних переводчиков, но через Г. Валерия Процилла – первое лицо в Провинции Галльской, приближенное к нему, Цезарю, и пользовавшееся его полным доверием. Тут Цезарь объявил Дивитиаку, что в его присутствии на совете Галльских начальников говорилось о его брате и что потом он узнал из частных расспросов разных лиц. В заключение Цезарь убеждает и просит Дивитиака не обижаться, если он, Цезарь, расследовав обстоятельства дела, присудит его брата к заслуженному наказанию или сам, или предоставит его суду его соотечественников.

20. Дивитиак, обливаясь слезами, обняв Цезаря, умоляет его «не быть слишком строгим к его брату; что все обвинения на него, к несчастью, слишком справедливы; что это никого так не оскорбляет до души, как его, Дивитиака; что в то время, когда он, Дивитиак, пользовался честью и уважением не только соотечественников, но и всей Галлии, брат его был еще слишком молод и не пользовался никаким значением; что, будучи всем обязан ему, Дивитиаку, он всеми средствами старался не только уничтожить его влияние, но и погубить его; тем не менее он, Дивитиак, дорожит чувством братской любви и уважением соотечественников. Если Цезарь поступит с Думнориксом строго, то каждый, видя, каким уважением пользуется у него Дивитиак, подумает, что не без его участия так поступили, и таким образом он, Дивитиак, сделается предметом негодования всей Галлии». Долго со слезами умолял об этом Дивитиак Цезаря. Тот, взяв его правую руку, просил его успокоиться и не молить его более, уверяя, что он так его любит, что из расположения к нему готов забыть обиду свою личную и отечества. Послали за Думнориксом, и Цезарь при его брате выставляет ему на вид все его вины, как собственные его, так и обвинения его сограждан; убеждает не подавать в будущем повода к подозрениям, а его прошлое он соглашается предать забвению из расположения к его брату Дивитиаку. Тем не менее к Думнориксу была приставлена стража, так что все его действия и

слова должны были быть известны Цезарю.

21. В тот же день передовые разъезды дали знать Цезарю, что неприятель расположился лагерем у подножия горы, милях в восьми от Римского лагеря. Тотчас Цезарь послал осмотреть эту гору и узнать, удобен ли на нее вход. Оказалось, что он не затруднителен. С третьей стражи ночи Цезарь велит своему легату Т. Лабиему, правившему должность претора, с двумя легионами занять вершину горы; в проводники ему дали тех, кто был послан для осмотра горы. В четвертую стражу ночи Цезарь с остальным войском двинулся к неприятелю тем же путем, по которому он шел. Вперед послал он всю конницу; передовые разъезды были вверены начальству П. Консидия, пользовавшегося славой опытности в военном искусстве, которое он изучил сначала в войске Л. Суллы, а потом в войске М. Красса.

Галльский всадник (рисунок по изображению на древней монете)

22. На рассвете вершина горы была занята Т. Лабиеном, и Цезарь с войском от неприятельского лагеря находился не более как в полутора милях. Как впоследствии узнал он от пленных, Гельветы еще ничего не знали о приближении Лабиена и его самого. Вдруг Консидий поспешно подскакал к Цезарю и сказал ему, что гора, которую приказано было занять Лабиену, в руках Галлов; что он безошибочно узнал их вооружение и значки. Цезарь отвел свои войска на находившийся по соседству холм и стал располагать их в боевом порядке. Лабиен, следуя приказанию Цезаря не вступать в бит-

ву с неприятелем, прежде чем войско самого Цезаря появится близ его лагеря, для того чтобы нападение было дружным и одновременным, поджидал движения наших и спокойно стоял, заняв вершину горы. Уже прошла большая часть дня, когда Цезарь узнал от лазутчиков, что гора находится в нашей власти и что Гельветы сняли лагерь. Консидий же, пораженный страхом, донес Цезарю о том, чего он на самом деле не видал. Цезарь пошел за неприятелем в том же расстоянии, как и прежде, и расположился лагерем в трех милях от лагеря Гельветов.

23. На следующий день Цезарь, видя, что остается только два дня до срока, назначенного для раздачи хлеба воинам, и что город Бибракт, один из важнейших и богатейших городов земли Эдуев, находится на расстоянии не более 18 миль, решил запастись провиантом и с этой целью двинулся к Бибракту. Беглецы из отряда Л. Эмилия, десятского Галльской конницы, дали знать неприятелю о новом движении Цезаря. Гельветы полагали, что Римляне удалились от них по чувству робости, тем более что они, накануне заняв гору, не решились вступить в сражение; с другой стороны, они надеялись, может быть, воспрепятствовать Римскому войску снабдиться провиантом. Как бы то ни было, но Гельветы, изменив свои намерения, двинулись вслед за Цезарем, временами нападая на задние ряды его войска.

24. Заметив это, Цезарь занял соседнюю возвышенность своими войсками, а всю конницу выслал вперед остановить натиск неприятеля. Между тем, устраивая боевой порядок в три линии, Цезарь в первой линии, посередине холма, поместил четыре легиона старых, опытных воинов; позади же них, на самой вершине холма, он поставил два легиона, недавно набранные им в Ближней Галлии, и все вспомогательные войска. Таким образом, весь холм был наполнен воинами; все тяжести Цезарь велел снести в одно место на вершине холма и вверил их защите третьей линии. Гельветы, шедшие со всем своим обозом, также собирают его в одно место, сами же, дружным нападением отразив нашу конницу, бросаются на нашу передовую линию, построившись в колонну.

25. Цезарь спешил сам и велел всему войску оставить коней, чтобы, уравнив опасность для всех, отнять надежду на бегство, краткой речью ободрил своих и дал знак к битве. Наши воины осыпали сверху неприятеля стрелами и тем внесли замешательство в его ряды; заметив это, они извлекли мечи и бросились на врагов. Галлы терпели большое затруднение в бою, оттого что наши стрелы вонзались в их щиты и, загнувшись там, не могли быть легко вынуты и обременяли тяжестью левую руку до того, что многие Галлы, чтобы ловчее сражаться, вовсе бросали щиты и бились ничем не прикрытые. Получив много ран, утомленные боем, неприятель

тели стали отступать и удалились на гору, которая была в расстоянии одной мили. Между тем как они занимали гору, а наши их преследовали, Бойи и Тулинги, в числе пятнадцати тысяч прикрывавшие отступление неприятеля, заметив, что наши, преследуя, открыли свой фланг, ударили в него и стали обходить наших. Видя это, Гельветы, уже удалившиеся было на гору, снова стали наступать и возобновили битву. Римляне сообразно требованию обстоятельств построились иначе: первая и вторая линии выдерживали нападение врагов, уже было побежденных, а третья противостояла его свежим силам.

26. Долго бой продолжался с переменным счастьем, упорно с обеих сторон. Будучи не в состоянии выдерживать дальше нападение наших, иные Гельветы удалились, как прежде, на гору, а другие обратились к защите своего обоза. Во время всей этой битвы, продолжавшейся от седьмого часа до вечера, неприятель ни разу не показал нам тыла. До поздней ночи битва происходила у обоза; повозки служили неприятелю вместо окопа; одни сверху осыпали наших стрелами, другие из-за повозок и колес метали дротики и копья и ранили наших. Наконец, после упорной битвы наши овладели неприятельским обозом; тут были захвачены в плен дочь Оргеторикса и один из его сыновей. Около 130 000 человек составляли неприятельскую силу после этого сражения; они шли всю ночь, не останавливаясь ни на минуту, и на четвертый

день достигли области Лингонов. Наши не могли их преследовать, в течение трех дней занятые погребением убитых и оказанием помощи раненым воинам. Цезарь послал к Лингонам письмо, запрещая им оказывать помощь Гельветам хлебом или чем бы то ни было, угрожая в случае послушания поступить с ними, как с неприятелями. По прошествии трех дней Цезарь со всем войском двинулся вслед за Гельветами.

27. Гельветы, до крайности лишенные всего, отправили послов к Цезарю с изъявлением покорности. Они застали Цезаря на пути, пали к его ногам и со слезами молили его о мире. Цезарь приказал им дожидаться его прибытия в том месте, где они находились. Воля его была исполнена; тогда Цезарь потребовал заложников, выдачи оружия и рабов, убежавших к ним. Пока его требование приводилось в исполнение, по прошествии суток шесть тысяч человек из того колена Гельветов, которое называется Вербигеном, решились бежать, или опасаясь казни после выдачи оружия, или надеясь, что во множестве покорных не будет замечено их отсутствие. Как бы то ни было, они с наступлением следующей ночи оставили лагерь Гельветов и двинулись к Рейну и Германской границе.

28. Цезарь, узнав об этом, приказал тем племенам, по земле которых должны были проходить беглые Гельветы, чтобы они захватили их и привели, если сами хотят оставать-

ся в покое. С пойманными Гельветами он велел поступить, как с врагами; остальные же, дав заложников и выдав оружие и перебежчиков, остались невредимы. Цезарь приказал Гельветам, Тулингам и Латобригам возвратиться на прежние жилища. Так как они были лишены средств пропитания, истребив все дома, то Аллоброгам велено было снабдить их требуемым количеством хлеба; Гельветам было предписано восстановить сожженные ими города и села. Цезарь более всего опасался, как бы земля Гельветов не оставалась впусте и не сделалась легкой добычей Германцев, живших за Рейном. Прельщенные плодородием почвы, Германцы могли занять Гельвецию и таким образом сделаться непосредственными соседями Галлии и Аллоброгов. Что касается Бойев, то, уступая просьбе Эдуев, Цезарь дозволил этому народу, знаменитому храбростью, поселиться с ними вместе. Эдуи дали Бойям земли для поселения и сравняли их в правах со своими согражданами.

29. В лагере Гельветов были найдены и принесены к Цезарю списки на греческом языке, в которых подробно показывалось количество оставивших свои жилища Галлов, как способных носить оружие, так и детей, стариков и женщин. Всего было: Гельветов – 263 000, Тулингов – 36 000, Латобригов – 14 000, Раураков – 23 000, Бойев – 32 000; из них способных носить оружие было 92 000. Всех же вообще было 368 000. По переписи, сделанной по приказанию Цезаря,

оказалось, что из этого числа возвратились домой 110 000.

30. По окончании войны с Гельветами к Цезарю прибыли послами ото всех почти племен Галлии первые лица; они принесли ему поздравления и говорили: «Небезызвестно им, что Цезарь мстил Гельветам за давнее оскорбление, нанесенное ими народу Римскому; тем не менее достойная казнь, понесенная этим племенем, полезна была в высшей степени для всей Галлии. Гельветы, находясь наверху силы и могущества, оставили свои древние жилища и устремились на Галлию с целью покорить ее, избрать лучшие и плодороднейшие места ее для поселения, племена же, ее населяющие, сделать своими данниками». В заключение Галльские послы просили Цезаря дозволить им назначить день общего для всей Галлии совета: «на нем по взаимном совещании имеют они просить Цезаря о многих важных делах». Получив это дозволение, Галлы назначили день совещания, обязав друг друга клятвой, что будут держать его в тайне и не открывать иначе, как где это будет дозволено с общего согласия.

31. Когда собрание разошлось, те же главные лица Галльских племен опять собрались к Цезарю и просили дозволения на тайной аудиенции объяснить ему свои нужды. Получив желаемое, со слезами они все упали в ноги Цезарю. «Для них, – говорили они ему, – столько же важно достигнуть цели своих просьб, сколько и то, чтобы то, что они бу-

дут говорить, оставалось в тайне; если же это обнаружится, то всем им угрожает неминуемая гибель». От лица всей Галлии Эдуй Дивитиак сказал следующее: «Галлы разделены на две враждебные партии; во главе одной стоят Эдуи, во главе другой – Арверны. Много лет продолжалась между этими двумя народами борьба о первенстве; наконец Арверны и Секваны вздумали пригласить к себе на помощь Германцев. Сначала только 15 000 человек перешли по эту сторону Рейна; этим грубым и невежественным людям полюбились почва Галлии, богатства и образованность ее жителей; одни за другими подходили в Галлию Германцы, и ныне в Галлии их находится уже 120 000. Эдуи со своими союзниками не раз пытались прогнать оружием пришельцев, но потерпели жестокое поражение, утратив сенат, всю конницу и цвет дворянства. Таким образом, Эдуи, народ, прежде и по своей доблести, и по союзу и приязни народа Римского занимавший первое место среди Галльских племен, вынужден был именнейших граждан отдать в заложники Секванам и при этом присягнуть в том, что никогда не будет ни требовать назад своих заложников, ни умолять народ Римский о помощи, ни какими-либо средствами домогаться свергнуть наложенное на него иго рабства. Один он, Дивитиак, из всего народа Эдуев не согласился ни дать в том клятву, ни детей своих в заложники. Вследствие этого вынужденный бежать, он прибыл в Рим и умолял Сенат о помощи, не будучи один из всех связан ни клятвами, ни заложниками. Не менее, как и

Эдуев, горькая участь постигла и их победителей Секванов. Ариовист, царь Германский, поселился в их области, плодороднейшей во всей Галлии, и занял для своих воинов третью часть ее; ныне же он требует у Секванов еще третьей части их полей, так как несколько месяцев тому назад прибыли к нему еще 25 000 Гарудов, для поселения которых и нужно очистить землю. В течение немногих лет все Галлы будут лишены своих земель и все Германцы перейдут по эту сторону Рейна, так как почву Германии нельзя сравнить с Галльской и образ жизни Галлов несравненно лучше Германского. Ариовист же, с тех пор как разбил Галльские войска у Магетобрии, стал повелителем надменным и жестоким; в заложники требует он детей благороднейших семейств и в случае малейшего ослушания его воли истязает их разного рода мучениями. Вообще как истинный варвар Ариовист действует под влиянием гнева и гордости; власть его стала для Галлов невыносимой. Если народ Римский и Цезарь не вступятся за них, то им не останется ничего более, как последовать примеру Гельветов, то есть оставить свои жилища и искать другие места для поселения, подальше от Германцев, и что бы ни случилось, возложить всю надежду на судьбу. Если только Ариовист узнает о предмете их просьб, то все заложники, у него находящиеся, погибнут мучительной смертью. Цезарь во главе многочисленного войска своим личным влиянием, еще свежим впечатлением недавней победы и величиим народа Римского может остановить движение Германского на-

рода на эту сторону Рейна и защитить всю Галлию от притеснений Ариовиста».

32. Когда Дивитиак окончил говорить, то все Галлы, сколько их было в собрании, с великим плачем стали просить Цезаря подать им руку помощи. Цезарь заметил, что одни Секваны не следовали примеру других, но, в горе потупив головы, смотрели в землю. Удивленный этим, Цезарь спросил их о причине, но они ничего не отвечали и пребывали в грустном молчании. Несколько раз спрашивал Секванов Цезарь и не мог добиться от них никакого ответа. Наконец Эдуй Дивитиак сказал Цезарю: «Жребий Секванов потому ужаснее и тягостнее всех прочих, что только они не смеют даже и тайно ни жаловаться, ни молить о помощи; жестокости отсутствующего Ариовиста они опасаются столько же, как если бы он здесь был. Прочим есть возможность спастись бегством; Секваны же, приняв Ариовиста в свои пределы и отдав в его власть все свои города, не могут избегнуть страшных от него мучений».

33. Выслушав все это, Цезарь старался ободрить Галлов и обещал им озаботиться их просьбой; причем высказал надежду, что Ариовист из уважения и благодарности к нему, Цезарю, положит конец притеснениям. Затем Цезарь распустил собрание, впрочем, по многим причинам он счел за нужное обратить внимание на высказанные в нем весьма

важные соображения. Прежде всего, Эдуи – народ, не раз удостоенный от Сената и народа Римского названия сродников и братьев, был унижен и поработен Германцами и вынужден дать заложников им и Секванам. А при такой степени могущества народа Римского допустить это – было бы унижить и себя, и его. Притом привычка Германцев – переходить по эту сторону Рейна и в большом числе селиться в Галлии – грозила в будущем серьезной опасностью для народа Римского. Нельзя было не предвидеть, что эти дикие и необузданные варвары, заняв всю Галлию, по примеру Кимвров и Тевтонов не оставят в покое и нашу Провинцию и оттуда ударят на Италию; опасность была тем ближе, что только Рона отделяет нашу Провинцию от земли Секванов. Против этого, следовательно, надо было принять меры заблаговременно. К тому же Ариовист до того сделался надменным и самонадеянным, что пора было положить конец его своеволию.

34. Вследствие таких соображений Цезарь отправил послов к Ариовисту, требуя от него, чтобы он назначил ему время и место для совещания, так как ему, Цезарю, необходимо переговорить с ним о важных делах, касающихся народа Римского и его, Ариовиста. Послам Цезаря Ариовист дал следующий ответ: «Если бы ему было до Цезаря какое дело, то он сам бы его отыскал; если же Цезарю он теперь нужен, то Цезарь может сам к нему пожаловать. Притом он не ре-

шится без войска явиться в ту часть Галлии, которой владеет Цезарь; собрать же войско в одно место нужно много труда и издержек. Впрочем, ему удивительно, какое может быть дело Цезарю или народу Римскому до той части Галлии, которой он владеет по праву оружия?»»

35. Цезарь, получив такой ответ Ариовиста, отправил к нему снова послов с такими речами: «Так как он, Ариовист, забыв благодеяние народа Римского, в консульство его, Цезаря, нарекшего его через Сенат царем и другом, не согласился явиться на свидание и даже отрекся переговорить об общих делах, то не угодно ли ему будет согласиться на следующее: отныне впредь не переводить в Галлию по сю сторону Рейна своих соотечественников; возвратить взятых у Эдуев заложников, позволить Секванам со своей стороны сделать то же; ничем не наносить обиды Эдуям и их союзникам. Если он, Ариовист, согласен на эти условия, то прочная приязнь будет у него и с ним, Цезарем, и с народом Римским. Если же откажется, то он, Цезарь, на основании сенатского декрета, изданного в консульство М. Мессалы и М. Пизона, которым велено начальникам Галльской провинции блюсти интересы государства и заботиться о защите Эдуев и других союзников народа Римского, возьмется за оружие в защиту притесненных Ариовистом Эдуев».

36. Ответ Ариовиста на это был следующий: «Право вой-

ны велит победителям налагать на побежденных такие условия, какие заблагорассудят. Конечно, и народ Римский в этих случаях руководствуется своим произволом и не нуждается в чьем-либо посредничестве. Если он, Ариовист, не указывает народу Римскому, как ему поступать в своем праве, то и народу Римскому не следует препятствовать ему в свободном отправлении его права. Эдуи состязались с ним оружием, побеждены открытой силой и стали его данниками. Цезарь делает ему, Ариовисту, великую обиду уже тем, что с его прибытием они стали неисправно платить дань. Эдуям заложники возвращены не будут, но и войной они будут пощажены дотоле, пока будут соблюдать данные обещания и исправно платить дань. Если же они этого не исполнят, то не защитит их от его мщения имя союза и дружбы с народом Римским. Что же касается угрозы Цезаря мстить за обиду Эдуев, то доселе никто безнаказанно не обнажал меч на Ариовиста. Если хочет, пусть идет на бой и убедится в мужестве Германцев, доселе непобедимых, опытных в бою, в течение четырнадцати лет не знавших покоя и отдохновения».

37. Почти в то же время, когда Цезарю принесли ответ Ариовиста, пришли к нему послы от Эдуев и Тревиров. Эдуи жаловались, что Гаруды, недавно пришедшие в Галлию, опустошают их земли, хотя они и дали Ариовисту заложников, но даже и таким образом не защитились от его притеснений. Тревиры дали знать Цезарю, что сто родов Свевских пришли

на берега Рейна, стараясь перейти на эту сторону; ими начальствуют Цимберий и два брата Назуя. Эти известия сильно встревожили Цезаря: он увидел необходимость действовать поспешно; в случае соединения прежних сил Ариовиста с вновь прибывшими Свевами трудно было бы противопоставить им сопротивление. Вследствие этого Цезарь, запасшись как можно поспешнее провиантом, двинулся к Ариовисту.

38. Уже три дня был Цезарь в походе, когда ему дали знать, что Ариовист со всем войском двинулся занять Везонций¹, главный город Секванов, и что уже три дня, как он перешел границу. Для Цезаря было весьма важно не допустить Ариовиста овладеть этим городом. Прежде всего он был в изобилии снабжен всеми запасами, необходимыми для ведения войны. Притом в военном отношении он представлял весьма важный пункт, будучи сильно укреплен природой: почти кругом омывает его река Дубис как бы искусственным рвом. В промежутке, оставленном рекой, возвышается крутая гора футов 600 высотой, склоны которой с обеих сторон доходят до самых берегов реки. Вершина горы обнесена стенами и составляет крепость; она соединяется с городом. Цезарь поспешно, не останавливаясь ни днем ни ночью, идет к городу, занимает его и ставит там гарнизон.

¹ Ныне Безансон.

Римский велит

39. Цезарь провел несколько дней в Везонции для заготовки провианта и принятия мер к его свободному подво-

зу. Между тем на расспросы наших воинов купцы и Галлы говорили им с ужасом об огромном росте Германцев, невероятном их мужестве и опытности в военном деле, утверждая, что, встречаясь с ними, они не в состоянии даже вынести выражения их страшного лица и огненного взора. Такие слухи распространили по нашему лагерю робость и смущение умов. Первыми поддались чувству страха военные трибуны, префекты и другие, более из дружбы к Цезарю следовавшие за ним из Рима и не имевшие великой опытности в военном деле. Они искали разных предлогов просить у Цезаря позволения ехать домой. Иные еще оставались, не желая обнаружить страха, но он невольно выказывался в чертах их лиц; видно было, что с трудом воздерживались они от слез; удалясь в палатки, они или сами наедине оплакивали свой жребий, или горевали вместе об общей угрожавшей им опасности. Везде по всему лагерю публично писались завещания. Такая робость не могла не подействовать и на более опытных в военном деле солдат, сотников и начальников конницы. Не желая показать себя столь же трусливыми, как первые, они говорили, что не враг внушает им опасение, а неудобство пути, узкого и идущего лесами, которые еще отделяют их от Ариовиста, и невозможность свободно подвозить съестные припасы. Некоторые даже предупреждали Цезаря, что когда он поднимет сигнал снимать лагерь и выносить военные значки, то воины откажутся повиноваться и от робости не поднимут военных значков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.